

Василий Иванович Белов

Еще в 70-е годы вологодские газеты, когда писали о Василии Белове, стали называть его по имени-отчеству. В таком трогательном уважении к земляку был момент какой-то простодушной гордости: вот, мол, выбился в люди, стал известен.

И действительно, легко, без усилия можно произнести не официальное обращение - Василий Белов, а именно так, любовно, полностью, по-русски - Василий Иванович Белов.

Один из секретов его творческого успеха заключается в такой естественной простоте слова и одновременно сердечной уважительности к читателю. Мало кто из писателей обходился раньше, а тем более сегодня без досузей литературности и сочинительской надуманности.

Белов здесь по-своему уникален. Он пишет легко (так кажется), без надути, искренне, душевно и не мной замечено, с пушкинской лапидарностью, где словам тесно, а мыслям просторно. Еще я бы добавил: и чувствам. Пушкин создавал наш литературный язык через реалистическую образность, Белов же, у него участь, возродил этот язык на материале, который почему-то считался тогда косным, местническим, почти что ушедшим из жизни, он всей своей прозой буквально выпестовал прекрасный и живописный язык северной русской деревни.

Открою любую книгу Белова, первую же страницу. Вот как он пишет:

«Большое было семейство у Ивана Петровича: невестка с сыном да четверо внуков, но за ужином за невысоким столом на широких лавках хватало всем и места, и хлеба. Приставили, правда, скамью. За печью из рукомойника вымыли руки. Сели за стол. Хлеба было нарезано целое решето...». Всё зримо, сочно, наглядно, как и сама крестьянская трапеза, повторявшаяся в заведенном порядке многие столетия. Главное, что определяет саму теплоту этой сцены, доброе настроение

- «хлеба было нарезано целое решето». Значит, в доме всё ладно и хорошо.

В прозе Белова живет не «сырая» стихия речи, так сказать, грубого помола с не перетертыми на жерновах местными речениями, которая так не понравилась Солженицыну. Нет, это оправленное в строгие стилистические границы *искусство речи*, когда можно и не разжевывать, ибо описываемая картина сама за себя говорит, и понимающему читателю, по древней присказке, вполне этого достаточно. Всего лишь одна деталь из приведенной цитаты: стол в избе стоял невысокий, потому что внуки были еще маленькими, и дед смастерил стол для их удобства.

В таких частностях кроется, я бы сказал, *воздух прозы* Белова, когда вокруг слов, простых и обыденных, витают запахи («Я настолько счастлив, что по запаху различаю сосновый, березовый и ольховый дым»), видятся краски («Когда исчезнет призрачный серебристый свет и начнет всходить большое, розовое солнце, я опять прислонюсь к теплой печке и закрою глаза»), ощущается настроение («Счастье сквозит в лесной осенней свежести или источает его янтарь болотной морошки»), и всё это читателями домысливается и дочувствуется.

Здесь, в этих северных краях, когда-то счастливо соединилась эстетически безупречная по художественному вкусу стихия народного искусства (читайте «Лад»!) с великой духовной культурой православия (читайте «Час шестый»!) и родился удивительный по силе, самобытности и долговременности сплав, получивший название русского искусства, русской литературы. В отечественной науке такой генезис обоснован в концепции «вторичности русской культуры» как культуры пяти-шести последних столетий. Понятие «вторичности» не включает в себя некую второсортность. Из двух рек, Сухоны и Юга, рождается красавица Северная Двина. Так и здесь: из двух родниковых жил получился святой источник. Первая жила - это духовное наследие Киева и Великого Новгорода, берущее свои истоки в Византии и в эллинском искусстве, с воцарившимся повсеместно торжеством православия. Вторая родниковая струя - севернорусское народное искусство с языческой красочностью, бытовой утилитарностью и одновременно с высочайшими художественными качествами.

Эти начала слились здесь, на Севере, в краю Северной Фиваиды, на святой земле предков Василия Белова. Сюда, спасаясь от татаро-монгольского ига, бежали выходцы из Владимиро-Суздальской и Ростовской земель. Здесь обитали предприимчивые и отважные новгородцы. В этих краях нашли древнейший и самый полный список «Задонщины», развивавшей образную систему киевского «Слова о полку Игореве», но уже с глубокой христианской составляющей покаяния и прощения (у нас хранилось и само «Слово...»).

Владимир Личутин рассказывал мне о том, как он писал роман о церковном расколе. Вначале слова не шли, думал даже бросить непосильный труд, а потом вдруг стало вольно и легко, речь, казалось, сама полилась на бумагу. Языковеды из Пушкинского Дома удивлялись, читая «Раскол»: ка-

кими словарям северный писатель пользовался? А каким секретом обладали знаменитые сказительницы Севера, сохранявшие почти тысячу лет в былинах об Илье Муромце и Владимире Красном Солнышке живой язык Киевской Руси, да еще импровизируя на нем?..

В творчестве Василия Белова великая творческая традиция выплеснулась на остатке своих сил, на рубеже своего ухода из мирового искусства. Она словно торопила писателя: быстрее!

Преображение обычного поэта и рассказчика произошло удивительно бурно. Написав «Привычное дело», Белов сразу стал классиком.

В народе писатель разглядел своего героя крестьянина, как никто до него не сумел увидеть. Учитель Яшин стремился поучать народ. Солоухин нарочито любовался. Леонид Леонов с народом мудрил. Для Белова крестьянин стал личностью, которую стоило беречь и защищать. Белов создал образ крестьянина Ивана Африкановича как глубоко обаятельного человека.

Но автор «Привычного дела» не остановился, не стал множить на гребне успеха новых Иванов Африкановичей или Катерин с их добротой, нестяжанием, духовностью и прочими качествами (только пиши, как по целине!), а пошел дальше.

Вопрос: откуда и каким образом такие герои берутся, Белов решил для себя столь же естественно, смело и навсегда. Он воззвал в своем творчестве не просто к родовому укладу, как Шолохов к казачьему быту. Не к реалиям советского социального строя, чем была наполнена тогдашняя литература. Белов воззвал читателя к *власти родной земли*. Без нее всё уже стало в мире распадаться, рушиться, она одна, светлая, а не темная, как в страхе вещали злые критики, спасала душу тогдашнего русского человека, его мораль, его устойчивость, наконец, его будущее, она единственная, которая была незахватанна и беспорочно чиста.

«- Здравствуй, земля моя родная.

Ты не знал, что я слышал эти слова, сказанные тобой вполголоса, но если бы и знал, что ты знал, мне всё равно не стало бы стыдно. Я благодарен тебе за то, что мое присутствие во время вашей встречи с родной землей не выглядело фамильярным. К тому же ведь так естественно здороваться с родиной».

Не только к одному Александру Яшину обращено это сердечное «ты». Оно обращено к нам, читателям.

«Товарищ майор» из повести «За тремя волоками» - это такой же фронтовик, как и шолоховский Андрей Соколов, но прошлое его, кроме отрывочных картин деревенского детства и молодости, нам неизвестно, даже имя его Иван всплывает к концу рассказа и ничего нам особенного не говорит, кроме русской усредненности.

Белов «освобождает» своих героев от второстепенных родственных и социальных связей. Он освобождает их для главного. Писатель сам раскрывает смысл «судьбы человека» своего героя-летчика: «Майор почти не думал о чувстве родины. За постоянной суетой забот и дел ощущалась только ровно и постоянно то, что есть где-то маленькая Каравайка, и этого

было достаточно. Теперь же майор остро и по-настоящему ощущал так не свойственное кадровым военным чувство дома. Он думал, что, по правде говоря, заботы, и труд, и всё, что он делал, имело смысл постольку, поскольку где-то была эта родимая маленькая деревня. Он теперь знал, что жил и рисковал иногда жизнью из-за нее, ради этой родины, ради ее людей, и всё, что было с ним до этого, наполнилось теперь новым смыслом».

Новый смысл судьбы здесь явился не только герою, но и еще намного раньше автору, а через книги Белова был открыт и многими его читателями. На таком чувстве родины, отчей земли, как главной, самой сокровенной творческой идее, и возрос могучий дар Василия Ивановича, здесь он сказал своё главное слово в отечественной литературе.

К вернувшемуся Григорию Мелехову первым бежит сын Мишутка. На шею Андрея Соколова бросается его приемный сынок Ванюшка. Шолоховские персонажи возвращаются, прежде всего, к себе через «холодные, розовые ручонки» сыновей (и в романе, и в рассказе одна и та же, отнюдь не случайная, деталь). Она символизирует связь с будущим, со всем большим миром. И у Белова опальный крестьянин Павел Рогов, беглец из «Часа шестого», скитаясь, пробирается в родную Шибаниху, чтобы повидаться с женой и детьми. Но он всё забывает, когда видит свою землю, она для него *главнее*. Тот же майор из повести за «Тремя волоками» доезжает, доходит, добирается до своей Каравайки и видит на месте ее *пустоту*: «Каравайки больше не было на земле». Значит, нет и у него ни прошлого, ни будущего.

Сокровенная боль, таившаяся глубоко в сердце миллионов русских крестьян, выплеснулась в прозе Василия Белова поистине народным чувством горечи и обиды. И как писал Твардовский: «Оно не стихнется, пока не выскажется вволю».

Трагизм этих судеб разных десятилетий, разных поколений не выдуман писателем. Весь XX век, да и в прежние времена у русского человека отнимали родную землю. Детей еще можно было нарожать, дом вновь поставить, жена могла найти себе другого, а, потерявши родину, русский человек, по размышлению Белова, теряет самого себя. Вокруг этого драматического конфликта и создается весь художественный мир Белова, подробно выписывается им «хроника русских судеб». Все они, его герои, в итоге теряют родную землю. И большинство из них - насильно.

«И кто их считал сейчас, те крестьянские души?!» - вырвалось с отчаянием и болью в конце трилогии «Час шестой». И далее: «История деревни смахивает на дурной сон. Трагична, безжалостна судьба буквально каждого крестьянского двора, каждой семьи. Из этого правила исключений не существует».

А ведь в тех харовских местах находились земли знаменитого региона, называвшегося в Московском государстве *Заозерьем*. По свидетельству историков, в этих краях и чуть дальше по Кокшеньге располагалась в XV-XVII веках вторая после Нижегородско-Муромской житница Руси - Заозерско-Важская. Здесь же и родина Белова Тимониха. Здесь, в Сибле, Астафьев писал свою «Царь-рыбу». Здесь, в Архангельском, родился поэт Алексей Ганин.

Там, в междуречье Уфтюги, Кубены и Сухоны, находились не нынешние

безлюдные ольхово-березовые перелески и болота с забытыми волоками, а в течение тысячелетия существовали обширнейшие крестьянские, до верховьев Ваги, хозяйства. В докончании (договоре) от 19 июня 1447 г. «младшего брата» князя Михаила Андреевича Верейского с великим князем Василием Васильевичем Темным о разделе между ними земель, отнятых московским правителем у князей Заозерских, говорится: «...дал ми еси в вотчину и в удел половину Заозерья..., из своей половины того же Заозерья сто деревень...». Счет деревень, как мы видим, шел на сотни. А сколько еще московским великим князьям заозерских вотчин не принадлежало!.. Многие еще оставались за ярославскими (как Тимониха) и ростовскими князьями.

Здесь веками складывался исторический плацдарм для дальнейшего броска русского народа на Урал и в Сибирь, отсюда, в частности, начала формироваться в географическом и в духовном смыслах наша держава. В Каравайках и в Тимонихах веками проживала белая кость русского крестьянства - кормильцы и ратники, мастера на все руки и те, кто позднее осваивал тобольские и омские просторы.

Вот откуда вышел Белов! Вот какая история, почва, какой народ взрастили его талант!

И светлая взору предстала деревня,

Живая деревня в краю этом древнем.

Из сказки забытой, казалось, возник

Ее отуманенный временем лик, -

писал побывавший здесь поэт Анатолий Передреев в одном из самых любимых мной стихотворений «Баня Белова».

Деревенские девчушки-окопницы из трогательной беловской повести «Медовый месяц» (1994 г.), валясь от усталости в долгой дороге в родную деревню, упетавшись, как у нас говорят, вдруг видят над собой «домашнее небо». Тем домашним, зовущим к своей земле небом и спасаются, оно прибавляет им сил.

В синих глазах Василия Ивановича Белова запечатлелось это родное, глубоко русское небо.